
Валентина Садыкова
Пока горит купальский огонь
Часть 1

Валентина Садыкова

Пока горит купальский огонь

«Автор»
2026

Садыкова В.

Пока горит купальский огонь / В. Садыкова — «Автор», 2026

В самую короткую ночь в году граница между мирами истончается, а древние легенды оживают в отблесках пламени. Пока горит купальский огонь, у каждого есть шанс загадать самое сокровенное желание — но у магии этой ночи всегда есть своя цена. Столкнувшись с тайнами прошлого и силами, в которые привыкли не верить, героям предстоит сделать выбор, от которого зависит не только их судьба, но и то, наступит ли для них рассвет.

© Садыкова В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Садыкова
Пока горит купальский огонь

Глава 1

Глава первая. Зов из-под воды

В ту ночь река позвала Милославу по имени.

Не закричала, не заплескала волной о берег — только шепнула, едва слышно, словно кто-то произнёс её имя сквозь сон. Но девушка проснулась сразу.

За окном темнело небо. Ветер шевелил берёзовые ветви, и те царапали крышу, будто просились внутрь. В избе пахло остывшей золой и сушёной мятой. На лежанке за перегородкой тихо посапывал младший брат, Добрыня. Бабка Ярина спала у печи, укрытая старым тулупом.

Милослава села и вслушалась.

Тишина.

Только в сенях потрескивала половница, забытая у порога, да где-то под стрехой возилась мышь. Девушка уже решила, что голос ей пригрезился, когда он прозвучал снова:

— Милослава…

На этот раз имя донеслось откуда-то снизу. Из-под пола.

Она босыми ногами ступила на холодные доски. В щель между половицами сочилась тонкая синяя полоска света. Такого света не давала ни луна, ни угли в печи. Он был похож на зимнее сияние над дальним лесом — только здесь, в середине лета, от него веяло ледяной водой.

— Бабушка? — позвала Милослава.

Ярина не шевельнулась.

Девушка нагнулась к щели. Свет дрогнул и погас.

Снаружи ударил гром.

Милослава отпрянула. В ту же минуту дверь распахнулась, и на пороге возник Добрыня. Сонный, растрёпанный, с одной босой ногой и второй, обутой в валенок.

— Ты тоже слышала? — спросил он.

— Что именно?

— Как кто-то позвал. Из колодца.

— Не из колодца, — ответила Милослава, хотя сама ещё не знала, откуда пришёл голос. — Иди ложись.

Добрыня посмотрел на неё с недоверием. Ему было девять лет, и он уже давно считал себя достаточно взрослым, чтобы не слушаться старшую сестру.

— Там кто-то плачет, — сказал он. — У реки.

И прежде чем Милослава успела его остановить, он выскользнул наружу.

Она метнулась следом, на ходу накинув на плечи отцовский кафтан. Дождя не было, но весь мир за порогом блестел, словно его только что омыла вода. Трава серебрилась росой. Над деревней висели низкие тучи, скрывая звёзды, а за избами темнел лес — густой, неподвижный, слишком близкий.

Добрыню она заметила у ограды. Мальчик шёл к реке, не оборачиваясь. Его босая ступня оставляла на земле мокрый след.

— Добрыня! Стой!

Он не остановился.

Милослава нагнала его у старой ивы. Внизу, между корнями, начинался крутой спуск к воде. Река в темноте казалась чёрной, и только посередине тянулась узкая синяя дорожка. Она мерцала, словно под водой горело пламя.

На берегу стояла женщина.

Длинные волосы закрывали ей лицо. Белая рубаха прилипла к плечам, а босые ноги скрывались в речной пене. Женщина держала руки над водой, будто звала кого-то к себе.

Добрыня шагнул вперёд.

Милослава схватила брата за ворот.

— Не ходи.

Женщина повернула голову.

Между прядями блеснули глаза — бесцветные, как лёд на весенней реке.

— Старшая, — сказала она. — Ты пришла.

Милослава почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Кто ты?

Женщина усмехнулась. Вода у её ног пошла кругами, хотя ветер стих.

— Та, кого здесь забыли.

В деревне залаяли собаки. Где-то хлопнула ставня, послышались торопливые шаги. Женщина взглянула на избы и помрачнела.

— Поздно, — прошептала она. — Он уже проснулся.

Синяя дорожка на воде погасла. Река вздрогнула, словно под ней перевернулось что-то огромное. Женщина исчезла, не оставив после себя ни брызг, ни следов.

Добрыня обмяк в руках сестры.

— Что она сказала? — прошептал он.

Милослава хотела ответить, но из леса донёсся протяжный вой. Не волчий — слишком низкий, слишком похожий на человеческий плач.

В окнах зажглись огни. На улицу выбежали люди, кто с топором, кто с зажжённой лучиной. Первым к берегу поспешил кузнец Велемир — широкоплечий, с железным молотом в руке.

— Назад! — крикнул он. — Всем в избы!

Но никто не двинулся. Деревенские стояли, глядя на реку. На её середине теперь поднимался туман, густой и тёмный, как дым над пожарищем.

Из тумана выплыл маленький деревянный челн.

Он был пуст.

На днище лежала связка ржавых ключей, а рядом — человеческая коса, перевязанная красной нитью.

Староста Лукьян перекрестился. Ярина, появившаяся у Милославы за спиной, тихо выругалась.

— Что это значит? — спросила девушка.

Бабка не ответила. Она смотрела на косу, и лицо её казалось старше, чем обычно, будто за одну ночь на нём проступили все прожитые годы.

— Домой, — сказала Ярина. — Сейчас же.

— Но…

— Милослава, не спорь.

В голосе старухи было столько страха, что девушка подчинилась.

Когда они вернулись в избу, Ярина заперла дверь на засов и зажгла лампаду. Потом достала из сундука маленький свёрток, обвязанный выцветшей синей лентой.

— Ты знаешь, почему твоя мать ушла из деревни? — спросила она.

Милослава покачала головой.

Отец говорил, что мать умерла, когда дети были совсем маленькими. Ярина никогда не рассказывала о ней, а если Милослава спрашивала, отвечала, что некоторые истории не стоит тревожить.

— Она не ушла, — сказала старуха. — Её забрала река.

Милослава крепче прижала к себе Добрыню. Тот молчал, не сводя глаз со свёртка.

— И женщина на берегу…

— Не женщина. Водяная княгиня. Когда-то её звали Зоряна. Она охраняла переправу и принимала клятвы тех, кто входил в наши земли. Твой дед нарушил одну из них.

— Какую?

Ярина развязала ленту. Внутри лежал медный оберег в форме маленькой птицы. Крылья у неё были расправлены, а вместо глаз темнели два крошечных камня.

— Он обещал отдать реке то, что дороже всего, — сказала бабка. — А потом попытался обмануть её.

За стеной что-то скребнуло.

Все трое замерли.

Снова скрежет. На этот раз ближе — прямо у окна.

Ярина погасила лампаду. В темноте светились только угли в печи. Милослава услышала, как Добрыня сдерживает дыхание.

— Кто там? — едва слышно спросил он.

Снаружи ответили стуком.

Один раз.

Потом второй.

А на третий голос за окном произнёс:

— Открой, дочь моя.

Милослава узнала его сразу.

Так звал её отец — прежде чем ушёл в лес и не вернулся.

— Не подходи к окну, — прошептала Ярина.Милослава уже сделала шаг, но остановилась. Голос за стеной был отцовским — тёплым, немного хриплым, с той привычной усмешкой, которую он всегда прятал в словах. Девушка не слышала его почти пять лет. И всё же узнала сразу.— Открой, дочь моя, — повторил голос. — Я замёрз.Добрыня вцепился в её рукав.— Это отец?— Нет, — ответила Ярина.Старуха произнесла это так уверенно, словно сама когда-то слышала, как отец говорит из-за окна.— Откуда ты знаешь?— Потому что твой отец никогда не звал тебя «дочь моя».За стеклом помолчали. Потом послышался тихий смешок.— Ярина всё такая же, — сказал голос. — Даже мёртвым не даёт слова вставить.У Милославы пересохло во рту. Она посмотрела на бабку, но та уже доставала из сундука узкий нож с костяной рукоятью. Лезвие было чёрным, словно его выковали из ночи.— Что происходит? — спросила Милослава.— Река ищет дорогу в дом. Не открывай и не отвечай.Голос снова позвал:— Мила. Помнишь, как я учил тебя свистеть? Ты тогда рассердилась, что у меня выходит лучше.Милослава похолодела. Она действительно помнила тот летний вечер: отец сидел на крыльце, вырезал из осины птицу и показывал ей, как сложить губы. Ни Ярина, ни Добрыня тогда ещё не родились. Об этом никто не знал — даже брат.Девушка сжала оберег в ладони. Медная птица была холодной.— Не слушай, — сказала Ярина. — Оно берёт слова из твоих воспоминаний. Так приманивает.За окном скрипнула ветка. Или кто-то провёл ногтем по стеклу.— Я не оно, — произнёс отец. — Я пришёл за вами. Скоро вода поднимется, и деревня пропадёт. Открой, Мила. Я знаю, как спасти вас.Мальчик всхлипнул. Милослава обняла его за плечи. — Отец умер в лесу, — сказала она, стараясь говорить твёрдо. — Мы нашли его топор у старого моста.— Ты нашла топор, — отозвался голос. — А меня — нет.Ярина подняла нож и провела остриём по дверному косяку. На дереве проступила тонкая красная черта. Она вспыхнула и тут же погасла.— До рассвета не впустим, — сказала старуха. — Если оно уйдёт.— А если не уйдёт?— Тогда будем надеяться, что рассвет придёт раньше, чем оно войдёт.Снаружи раздался глухой удар. Доски двери вздрогнули. Добрыня вскрикнул, и в тот же миг оберег в руке Милославы стал горячим. Девушка вскрикнула и уронила его на пол.Медная птица покатилась к порогу. Поднятая Яриной ладонь остановила её в нескольких пальцах от двери.— Не трогай голыми руками, — велела она. — Он услышал тебя.— Кто?— Тот, кто спит под рекой.Ещё один удар сотряс избу. С полки упала глиняная миска и разбилась. За окном отец тихо произнёс:— Ярина, ты ведь знаешь, чем это закончится.— Знаю, — ответила старуха. — Потому и не открываю.— Ты не спасла его.— Нет.— И её не спасёшь.На этот раз Ярина

не нашлась с ответом.Голос за окном стих. Несколько долгих мгновений никто не шевелился. Потом снаружи послышались шаги — медленные, удаляющиеся от избы. Скрипнула калитка. На улице залаяла собака, и вскоре лай оборвался.Добрыня прижался к сестре.— Оно ушло?— Не знаю, — сказала Милослава.— Ушло, — отрезала Ярина. Но нож из рук не выпустила.Старуха подобрала оберег куском ткани и положила на стол. Металл медленно остывал.Милослава долго смотрела на него.— Расскажи, что случилось с мамой.Ярина опустилась на лавку. В тусклом свете печи её лицо казалось неподвижной маской.— Твоей матери звали Веда. Она была дочерью старого лодочника и знала реку лучше любого мужчины в округе. В одну весну вода вышла из берегов и затопила нижние дворы. Тогда твой дед, Радогост, пошёл к переправе и попросил Зоряну отвести паводок. За это он обещал отдать ей самое дорогое, что у него было.— И он отдал Веду?— Он решил, что река заберёт его самого. Но клятва была произнесена без обмана. Зоряна потребовала не того, кого Радогост хотел отдать, а того, кого выбрал его род.Милослава сжала пальцы.— Значит, мать…— Веда сама пошла к реке. Сказала, что не позволит расплатиться за неё ни тебе, ни Добрыне. В ту ночь она исчезла. А паводок отступил.— Ты говорила, что её забрали.— Так и было.— А отец? Он знал?Ярина подняла глаза.— Он искал её много лет. Однажды ушёл к старому мосту и не вернулся. Мы нашли только топор.Добрыня тихо спросил:— А почему река позвала Милу?Бабка не ответила сразу. За стеной снова завыл ветер. Где-то вдалеке перекликнулись ночные птицы.— Потому что клятва не исполнена до конца, — сказала Ярина наконец. — Зоряна забрала твою мать, но не получила того, что искала. Она ждала.— Чего?— Наследницу.Милослава отступила от стола.— Нет. Я ей ничего не обещала.— Ты ещё ребёнком обещала, — тихо произнесла Ярина. — Только не помнишь.— Когда?— В ту ночь, когда родилась.Старуха рассказала, что Веда рожала в самую сильную грозу за последние сто лет. Повитуха не успевала, и Ярина, испугавшись за дочь, вынесла новорождённую к берегу. Она просила реку сохранить девочку, если та ещё дорога миру. И пообещала, что когда-нибудь Милослава сама придёт к воде и услышит её зов.— Ты заключила сделку за меня? — Голос Милославы сорвался. — Ты обещала отдать меня реке?— Я просила дать тебе жизнь.— За какую цену?Ярина не отвела взгляда.— Не знала, что цена будет такой.Милослава почувствовала, как гнев поднимается внутри — горячий и яркий, совсем не похожий на холодный страх. Она хотела крикнуть, обвинить бабку во всём разом, но за окном снова послышался плеск.На этот раз звук был не у двери. Он шёл из-под пола.Синяя полоса света проступила между досками.Добрыня отшатнулся. Ярина поднялась и заслонила детей собой.— К печи! — приказала она. — Оба!Пол под ногами дрогнул. Одна из досок приподнялась и с треском отлетела в сторону. Из тёмной щели пахнуло речной сыростью. На полу показалась вода — чёрная, неподвижная, хотя щель была узкой, а изба стояла далеко от берега.Вода медленно растекалась по доскам. И в её отражении Милослава увидела не потолок, а звёздное небо.Там, по ту сторону воды, кто-то стоял.— Милослава, — позвал знакомый голос. — Пора домой.Она узнала отца. Но теперь его лицо отражалось в воде ясно: бледное, измученное, с тёмной царапиной на щеке. Таким она помнила его в последний день перед исчезновением.Мужчина протянул руку.Медная птица на столе взмыла в воздух. На миг её крылья вспыхнули золотом, и синее сияние в щели погасло.Вода с шипением отхлынула под пол. Доска с грохотом встала на место.За окном прокричал петух.Ярина тяжело опустилась на лавку. Её рука дрожала.— До рассвета дотянули, — прошептала она.Милослава посмотрела на оберег. На медных крыльях появилась тонкая трещина.— А дальше?Старуха долго молчала.— Дальше нам придётся идти к старому мосту. Там началось всё, что случилось с твоей матерью. Там же мы узнаем, что именно ждёт от тебя река.Добрыня покачал головой.— Я с вами.— Нет, — сказала Ярина.— Я не останусь один.— Ты останешься в деревне.— Нет!— Добрыня, — Милослава присела рядом с братом и взяла его за руки. — Я вернусь за тобой.— Все так говорят, когда уходят.Она не нашла слов.Снаружи рассветало. За тучами светлело небо, но лес на востоке оставался тёмным. И хотя петух уже прокричал, деревенские собаки не успокаива-

лись. Они продолжали выть, будто чуяли, что ночь ещё не закончилась.Ярина завернула оберег в ткань и спрятала за пазуху.— Собирайся, Мила. Возьмёшь тёплый плащ, кремень и хлеб. На мост пойдём, как только люди проснутся.— А если река снова позовёт?Старуха посмотрела на щель между половицами.— Тогда не отвечай ей. Что бы она ни обещала и кого бы ни приняла за знакомый голос.Милослава кивнула, но не была уверена, что сможет исполнить этот наказ.Она всё ещё слышала отца. Не за окном и не под полом — внутри себя, среди старых воспоминаний. Его голос звучал так близко, что хотелось поверить: он жив, он ждёт, и стоит только сделать шаг — по ту сторону тьмы снова будет дом.А где-то далеко, за деревней и лесом, река плеснула о берег.Словно рассмеялась.

Солнце поднялось над лесом, но тепла не принесло.После ночной грозы деревня проснулась неохотно. Люди выходили из изб, переговаривались у колодца, проверяли скотину и поглядывали на реку. Никто не говорил вслух о челне с ржавыми ключами, но каждый знал, что он всё ещё стоит у берега. Лукьян отправил туда двоих парней — однако те вернулись почти сразу: челн исчез, а на мокром песке осталась только длинная борозда, будто его утащили в лес.Милослава собрала в холщовый мешок краюху хлеба, горсть сушёных ягод и нож. Ярина добавила к этому шерстяной платок и маленький пузырёк с тёмной жидкостью. — Что в нём? — спросила девушка.— Настой полыни и зверобоя.— От чего он помогает? — От того, от чего ещё может помочь полынь.Ярина затянула узел на мешке. Пузырёк она велела держать при себе, но не пить без нужды.Добрыня сидел на лавке, обняв колени. Он не плакал и не спорил — только следил за сестрой. От этого Милославе было тяжелее, чем от любых его слёз.— Ты остаёшься с бабушкой, — сказала она.— А если за вами придут?— Тогда слушай Ярину.— А если придут не к ней, а ко мне?Милослава присела перед братом. — Не выходи из избы. Не отвечай на голоса за окном. Даже если услышишь меня.Добрыня отвёл глаза.— Ты обещаешь вернуться?Она хотела ответить сразу, но вспомнила, как отец однажды сказал почти те же слова. Он ушёл к старому мосту, улыбнулся у порога и больше не вернулся.— Я сделаю всё, чтобы вернуться, — сказала Милослава.— Это не обещание. — Другого я дать не могу.Добрыня всё-таки поднял на неё глаза. В них стояли слёзы, но он упрямо не позволял им пролиться.Ярина положила ладонь ему на плечо.— Пойдём, внучка. Лукьян будет ждать у ворот.У порога Милослава обернулась. Брат сидел неподвижно, будто боялся, что если пошевелится, она исчезнет прямо у него на глазах. Девушка хотела сказать ещё что-то, но нужные слова не находились.Она вышла.У ворот их ждали староста Лукьян и кузнец Велемир. Лукьян взял с собой копьё и небольшой щит, а Велемир — молот, которым обычно ковал лемехи и подковы. На поясе кузнеца висел кожаный мешочек с гвоздями.— Думаешь, железо поможет против речной нечисти? — спросила Милослава.— Не думаю, — отозвался он. — Но без железа мне будет неспокойно.Лукьян оглянулся на деревню. — До моста доберёмся к полудню, если дорога не размыта.— Дорога сухая, — сказала Ярина. — Но идите не по берегу. Через дубраву.— Почему? — спросил староста.— Потому что река сегодня слышит.Он хотел что-то возразить, но промолчал. Лукьян был человеком рассудительным и не любил суеверий. Однако после ночного челна даже он не стал спорить с Яриной.Они вышли из деревни по тропе, ведущей к лесу. Милослава шла между бабкой и Велемиром. За спиной оставались знакомые избы, дым над крышами, стук молотка у кузницы и голоса людей. Всё было привычным и родным, но теперь казалось удивительно хрупким — будто невидимая рука могла одним движением смести деревню с земли.У опушки Ярина остановилась.— Дальше не оглядывайся, — сказала она Милославе.— Почему?— В лесу всё, что зовёт сзади, не обязательно хочет, чтобы ты вернулась.— А если позовёт кто-то из наших? — Особенно если позовёт кто-то из наших.Они пошли под деревья.В дубраве было темно, хотя день уже разгорался. Мох покрывал корни, а сырые листья мягко пружинили под ногами. Где-то в вышине перекликались птицы, но стоило путникам углубиться в чащу, как голоса смолкли.Милослава заметила, что Ярина то и дело касается пальцами стволов. Не задерживает

руку, а лишь проводит по коре, словно здоровается с каждым деревом.— Ты часто ходила здесь? — спросила она.— Когда-то.— С отцом?— С ним, с твоей матерью. И с теми, кого давно нет.— Ты говоришь о них так, будто они всё ещё рядом.— В лесу мёртвые и живые порой ближе, чем кажется.Велемир фыркнул.— Слова красивые. А вот если на нас выскочит волк, мне хотелось бы услышать что-нибудь полезнее.— Если выскочит волк, не смотри ему прямо в глаза, — сказала Ярина.— Вот это уже полезный совет.Они шли молча ещё около часа. Вскоре тропа спустилась в ложбину, где росли высокие папоротники. Ярина вдруг подняла руку, останавливая всех.— Что там? — шёпотом спросил Лукьян.Впереди, между папоротниками, виднелась небольшая поляна. На её середине стоял белый конь. Грива его свисала до земли, а на боках темнели мокрые пятна, будто животное только что вышло из реки.Велемир снял молот с пояса.— Конь-то чей?— Ничьей, — ответила Ярина.Животное повернуло голову. Глаза у него были человеческие — усталые и печальные.Милослава почувствовала, как оберег под одеждой снова стал холодным.— Не приближайтесь, — предупредила Ярина. — И не называйте его.Конь тихо заржал. Его голос оказался похож на всхлип.Из леса за поляной донёсся детский смех.Добрыня.Милослава шагнула вперёд.Ярина схватила её за запястье.— Нет.— Это мой брат.— Твой брат в деревне.Смех повторился, уже ближе. Потом послышался голос Добрыни:— Мила! Подожди меня!Девушка дёрнулась, но Ярина не отпускала.— Он один. Он боится. Надо вернуться.— Нет, — повторила старуха. — Слышишь, как он зовёт?— Конечно слышу.— Нет. Послушай не слова, а голос.Милослава замерла.Брат всегда произносил её имя быстро, почти слитно: «Мила». Но сейчас из-за папоротников отчётливо звучало «Милослава» — длинно и осторожно, словно чужой человек пытался подобрать нужные слова.Она отступила.На поляне белый конь опустил голову. Между его губ показалась тёмная вода, и он выплюнул её на траву. Там, где вода коснулась земли, поднялись крошечные синие цветы.— К Ярине, — произнёс голос из леса.Велемир поднял молот.— Пусть выходит, раз такой смелый.— Оно не выйдет, — сказала Ярина. — Оно хочет, чтобы мы сами пошли к нему.Из папоротника потянулось что-то длинное и бледное. Сначала Милослава решила, что это корень. Потом оно шевельнулось и стало похоже на руку — слишком тонкую, с перепончатыми пальцами.Лукьян шагнул вперёд, заслоняя Ярину щитом.— Назад, — приказал он.Бледная рука скользнула по траве. Белый конь поднял голову и рванулся прочь. Он пересёк поляну беззвучно и исчез среди деревьев, словно его и не было.Смех оборвался.Папоротники медленно распрямились. На месте, откуда доносился голос, лежала небольшая деревянная игрушка — вырезанная из осины птица. Милослава узнала её сразу. Такую отец вырезал для неё в детстве.Она потянулась к игрушке.— Не трогай! — крикнула Ярина.Но Милослава уже коснулась дерева.Поляна исчезла.На одно мгновение вокруг неё не было ни леса, ни спутников. Только серый туман и холодная вода по колено. Вдалеке стоял отец, молодой и сильный, каким она помнила его в детстве. Он держал в руках ту самую осиновую птицу и улыбался.— Мила, — сказал он. — Я нашёл Веду.Милослава рванулась к нему.Потом кто-то резко ударил её по щеке.Мир вернулся. Девушка рухнула на колени в траву. Ярина крепко держала её за плечи, а Лукьян оттеснял Велемира от игрушки. Кузнец лежал на боку и стискивал молот обеими руками. У его сапога темнел мокрый след.— Ты видел его? — спросила Милослава, тяжело дыша.Ярина не ответила.— Бабушка, отец сказал, что нашёл маму.— Он сказал то, что ты сильнее всего хотела услышать.Старуха подняла осиновую птицу железными щипцами, которые Велемир предусмотрительно достал из мешка. Игрушка была мокрой и покрытой тонкой чёрной плёнкой.— Сожги, — велела Ярина.Велемир завернул птицу в тряпку и сунул в небольшой костёр, который разжёг у края тропы. Дерево вспыхнуло не сразу. Сначала из него потянулся сизый дым, а затем послышался тихий голос:— Мила…Девушка отвернулась и зажала уши. Ярина не позволила ей отойти.Когда пламя погасло, на земле осталась горсть белого пепла. Ветер поднял его и рассыпал между деревьями.— Теперь оно знает, что ты можешь его слышать, — сказала старуха.— Оно и так знало.

— Теперь оно знает, что ты почти пошла за ним.Эти слова задели Милославу сильнее, чем пощёчина. Она хотела возразить, но вспомнила лицо отца и промолчала.Велемир поднялся и вытер грязь с рукава.— Долго ещё до моста?— Недалеко, — ответил Лукьян. — Тропа за оврагом.Они двинулись дальше. Теперь Милослава старалась смотреть только вперёд. Но лес всё равно говорил с ней: шептал в кронах, вздыхал корнями, стонал сухими ветками. Иногда ей чудилось, что между стволами мелькает белая рубаха. Каждый раз она удерживала себя от того, чтобы обернуться.За оврагом лес расступился.Старый мост лежал над узкой речной протокой. Когда-то здесь проходила главная дорога, но теперь доски прогнили, а перила покосились. Под мостом вода почти не двигалась, хотя выше и ниже по течению река была быстрой.Ярина остановилась у начала переправы.— Здесь Веда исчезла, — сказала она.Милослава подошла к краю. Вода под мостом была тёмной, но не отражала неба.— А отец?— Его следы нашли на том берегу.— Значит, он мог перейти.— Мог. Или кто-то хотел, чтобы мы так думали.Лукьян осторожно ступил на первую доску. Та скрипнула, но выдержала.— Не вижу ни следов, ни знаков, — сказал он.— Потому что смотришь глазами, — ответила Ярина.Она достала из-за пазухи медную птицу. Трещина на её крыле стала шире. Старуха приложила оберег к центральной доске моста.Послышался глухой звон.Вода под мостом побелела. На её поверхности проступили круги, и в центре каждого появилось крошечное отражение — то женское лицо, то детская ладонь, то старческий глаз.Милослава услышала шёпот:— Вернулась…На другом берегу стояла женщина в белой рубахе. Волосы у неё были распущены и почти касались земли. Рядом с ней, чуть поодаль, находилась ещё одна фигура — высокая, в тёмном плаще.Ярина побледнела.— Кто это? — спросил Лукьян.Старуха не отвечала.Высокая фигура сделала шаг вперёд. Ветер поднял край плаща, и Милослава увидела знакомый топор на поясе.Отец.Девушка перестала дышать.Мужчина поднял голову, но лицо его скрывала тень. Он протянул руку.— Мила, — позвал он. — На этот раз я не уйду.И старый мост под ногами Милославы медленно начал уходить под воду.Первая доска ушла под воду без всплеска.Милослава не сразу поняла, что произошло. Мост словно осел под ногами, и только когда вода коснулась её сапог, она схватилась за перила. Доски скрипнули. Лукьян упал на колено, а Велемир успел ухватить его за ремень.— На берег! — крикнула Ярина.Но с другого конца моста отец всё ещё протягивал руку.— Мила, скорее! Я не могу долго держать проход! За его спиной белая женщина улыбнулась. Милослава узнала Зоряну — ту, что явилась у реки возле деревни. Теперь её лицо было ясным: молодое, почти красивое, но чужое, как отражение в воде.— Не слушай! — крикнула Ярина. — Это не проход. Это ловушка!Милослава вцепилась в перила. Под мостом не плескалась река — там медленно вращалась тёмная глубина, похожая на воронку. По её краям мелькали бледные лица. Одно из них показалось ей знакомым, и она отвела взгляд, не желая разбираться, кого увидела.Отец шагнул ближе.— Я нашёл твою мать, — сказал он. — Она ждёт тебя.Эти слова пробили защиту лучше любого заклинания. Милослава сделала шаг по уходящему мосту.Ярина схватила её за локоть.— Если перейдёшь, назад дороги может не быть.— А если это правда?— Тогда правда найдёт способ сказать тебе это без лжи.Милослава посмотрела на фигуру в плаще. Отец всегда сутулился — сказывались годы, проведённые у кузнечного горна. А этот человек стоял прямо, словно чужая память подсказала ему лишь лицо и голос, но не привычки.— Покажи ладонь, — сказала она.Отец замер.— Что?— Покажи левую ладонь.Ярина быстро взглянула на Милославу, но промолчала. Она поняла, что та проверяет.У отца на левой ладони был белый шрам — след от ножа, которым он однажды вырезал для неё свистульку. Милослава помнила, как он отшучивался, будто шрам подарила ему злая берёза.Фигура нехотя вытянула руку. Ладонь оказалась гладкой и чистой.— Ты не он, — сказала Милослава.Лицо в капюшоне исказилось. Тень словно растеклась по плечам, и на миг вместо отца возникло нечто бесформенное — мокрое, тёмное, с пустотой там, где должно быть лицо.Мост содрогнулся.— Беги! — крикнул Велемир.Он ударил молотом по перилам. Железо звякнуло, и звук прокатился над водой. Воронка под

мостом замерла. Белая женщина резко повернула голову к кузнецу.— Железом речную клятву не перебить, — произнесла она.— А я не клятву бью, — ответил Велемир. — Я доски держу! Он ударил ещё раз. На этот раз от перил отскочила искра. Мост перестал погружаться.Ярина ухватила Милославу за руку и потянула к берегу. Лукьян поднялся и, пятясь, помог Велемиру отступить. Девушка не оборачивалась, хотя спиной чувствовала взгляд того, кто притворился её отцом.Они добрались до берега. Последняя доска ушла под воду сразу за их ногами. Мост исчез, будто его никогда не существовало.На противоположном берегу осталась одна Зоряна. — Ты всё равно придёшь ко мне, Милослава, — сказала она. — Не потому, что я позову. Потому что сама захочешь узнать, что стало с матерью.— Если ты знаешь, где она, скажи сейчас!— Знаю.— Тогда скажи!Зоряна улыбнулась печально.— Не всякая правда приносит утешение.Вода поднялась вокруг её ног. Женщина стала прозрачной, словно сотканной из речного тумана. Прежде чем исчезнуть, она посмотрела на Милославу так, будто жалела её. — Когда загорится купальский огонь, принеси мне то, что принадлежит твоему роду. Тогда я отвечу.— Что именно?Но Зоряна уже исчезла.Река хлынула под мостом с обычной силой. Вода забурлила, понесла ветки и прошлогодние листья. На поверхности больше не было ни лиц, ни тёмной воронки.Милослава стояла неподвижно.— Что она имела в виду? — спросил Лукьян.Ярина спрятала треснувший оберег.— Купальская ночь будет через три дня.— А что принадлежит нашему роду? — спросила Милослава.— Не знаю.— Ты же знала о клятве. — Я знала только то, что рассказывал твой дед. Он не говорил, чего именно потребовала Зоряна.— Или не захотела говорить ты?Ярина выдержала её взгляд.— Возможно.Велемир вытер молот о рукав.— Мы не можем стоять тут до ночи. Если путь через мост закрыт, пойдём в обход. На старую мельницу.— Зачем нам мельница? — спросил Лукьян.— Там живёт Матвей. Он был лодочником ещё до того, как я родился. Если кто и знает, как попасть на другой берег, так это он.— Матвей умер, — сказала Ярина.Велемир пожал плечами.— Тогда спросим его.Старуха посмотрела на кузнеца неодобрительно, но спорить не стала. Они направились вдоль леса, держась подальше от реки. Теперь Милослава замечала, что вода всюду: в блеске листьев, в лужах среди корней, даже в тумане, цеплявшемся за низкие кусты. И каждый раз, когда она задерживала на ней взгляд, ей казалось, что под поверхностью что-то движется.Путь к мельнице занял меньше часа. Она стояла на краю старого селения, давно заброшенного после большого пожара. Крыша просела, колесо раскололось, а на стенах темнели следы копоти. Рядом росла рябина, вся усыпанная красными ягодами, хотя лето ещё не вступило в силу.Велемир постучал по двери.— Матвей! Ты дома?Изнутри ответили не сразу.— Если вы пришли за мукой, её нет.— Мы пришли за советом.— Советы дороже муки. И всё равно закончились.Велемир толкнул дверь. Та открылась сама.Внутри пахло пылью, старым деревом и речной тиной. У стены сидел седой мужчина в серой рубахе. Он был так худ, что казался высушенным ветром, но глаза смотрели цепко и ясно. На коленях у него лежала длинная лодочная жердь.— Я думал, ты умер, Матвей, — сказал Велемир.— Уже несколько раз, — ответил старик. — Но каждый раз находилось дело.Он посмотрел на Ярину и нахмурился.— А ты всё ещё водишь детей к воде.— Я не вела их к воде.— Конечно. Вода сама пришла к ним.Милослава шагнула вперёд.— Зоряна сказала, что ответит мне в купальскую ночь, если я принесу то, что принадлежит моему роду.Старик опустил жердь. — Она назвала твоё имя?— Да.— Тогда всё хуже, чем я думал.— Что ей нужно?Матвей провёл ладонью по поседевшей бороде.— Ваша семейная реликвия. Та самая птица, которую носила твоя мать.Ярина коснулась пустого места за пазухой. Оберега там больше не было: она оставила его у Милославы? Девушка вспомнила, что медная птица всё ещё была у бабки. Та достала её и положила на ладонь. Трещина пересекала крыло, но птица по-прежнему мерцала тусклым золотом.Матвей отшатнулся.— Значит, оберег уцелел.— Ты его знаешь? — спросила Милослава.— Знаю. Его выковали не кузнецы. Это дар Сварожьего Огня, старше всех наших князей и городов. Веда получила птицу от своей матери. Она должна была хранить

дорогу между берегами.— Какими берегами?— Теми, что видны и теми, что скрыты. Между миром живых и тем, куда уходит всё, что утонула река.— И Зоряна хочет его забрать?— Не просто забрать. Она хочет раскрыть проход. Птица — ключ, но не замок. Без неё проход тоже можно открыть, только цена будет выше.— Какая цена?Матвей посмотрел на Милославу. — Живая кровь того, кто связан с клятвой.Ярина резко шагнула к нему.— Ты обещал молчать.— Я обещал молчать, пока это не стало опасностью для детей. Теперь молчание хуже предательства.Милослава почувствовала, как в груди стянулся тугой узел.— Значит, Зоряна хочет меня?— Скорее всего.— Почему?— Твоя мать была последней, кто умел закрывать проход. Ты унаследовала её кровь. Но одного родства недостаточно. Нужно ещё согласие. — Я не соглашусь.— Возможно. Но она не станет просить прямо. Она покажет тебе то, по чему ты тоскуешь. Предложит вернуть отца. Найти мать. Спасти брата. И каждое обещание будет звучать правдиво.Милослава посмотрела на медную птицу.— Как не поверить?— Не принимай решений в одиночку, — сказал Матвей. — И не иди к воде после заката.— А купальский огонь?Старик помрачнел.— Купальская ночь — время, когда границы становятся тонкими. Зоряна выбрала её не случайно.В этот миг снаружи раздался удар по стене. Все обернулись. Второй удар потряс дверь, и с потолка посыпалась пыль.Велемир поднял молот. — Воды тут быть не должно, — пробормотал он.Матвей встал, опираясь на жердь.— Воды и нет.Из-под двери потянулась тонкая полоска тумана. Она ползла по полу, разделялась на мелкие ручейки и обвивала ноги путников. В тумане слышались приглушённые голоса — много голосов, и каждый звал кого-то по имени.Ярина крепко сжала руку Милославы.— Не отвечай.Один голос раздался ближе остальных:— Добрыня…Милослава побледнела.— Это его голос.— Нет, — сказала Ярина. — Ты знаешь, что это не он.Но голос повторил:— Мила, помоги!Милослава стиснула зубы. Она не обернулась к двери и не произнесла ни слова.Матвей ударил жердью по полу. Туман отпрянул, словно наткнулся на невидимую преграду.— Из мельницы — через заднюю стену, — приказал старик. — Быстро!— А ты? — спросил Велемир. — Я останусь.— Не останешься, — сказал кузнец и протянул ему руку.Матвей усмехнулся. — Всё ещё думаешь, что можешь тащить любого, кто тяжелее мешка муки?— Проверим.Они выбрались через узкий проём за мельничным колесом и оказались у заросшего оврага. Туман до них не добрался. Когда Милослава оглянулась, в оконцах мельницы мерцал синий свет.— Куда теперь? — спросил Лукьян.— В деревню, — ответила Ярина. — Нужно предупредить людей и спрятать Добрыню.— А ты? — спросила Милослава у Матвея.Старик шёл медленно, но держался уверенно.— Я тоже иду. Похоже, в этот раз дело дошло до меня.К вечеру они вернулись в деревню. Люди уже знали, что река снова поднялась, хотя дождя не было. Несколько дворов затопило, а в колодце обнаружили воду, пахнущую тиной. Лукьян собрал старейшин у себя, Велемир отправился к кузнице, а Ярина повела Милославу домой.Добрыня ждал у порога. Увидев сестру, он бросился к ней и крепко обнял.— Ты вернулась.— Я же сказала, что постараюсь.— Я всё слышал ночью, — прошептал он. — Голос за окном снова звал меня.— Ты ему ответил?— Нет. Но он говорил, что ты уже ушла и не вернёшься.Милослава погладила брата по волосам.— Это была ложь.Добрыня кивнул, но не отпустил её.Ярина поставила на стол медную птицу. Трещина на её крыле раскрылась ещё шире. Внутри металла вспыхнул слабый огонёк.— Что с ней происходит? — спросил Добрыня.Матвей, стоявший у двери, ответил:— Оберег просыпается. Или умирает. Иногда это одно и то же.Вечером в деревне развели костры, чтобы отогнать сырость от домов. Люди говорили, что до купальского праздника осталось три дня и что нельзя отменять старые обычаи из-за одной дурной ночи. Ярина хотела запретить празднование, но староста напомнил: если лишить людей обряда и надежды, страх разрастётся быстрее любой беды.Милослава сидела у окна и смотрела, как на улице дети перебегают от одного костра к другому. Добрыня был рядом. Он старался смеяться вместе со всеми, но каждый раз, когда ветер шевелил ставни, вздрагивал.— Я не хочу, чтобы ты уходила к реке, — сказал он.— Я тоже не хочу.— Тогда не ходи.Милослава посмотрела

на медную птицу. В её крошечных глазах отражались огни костра.— Если не узнаю, чего хочет Зоряна, она продолжит приходить. И однажды может добраться до тебя.Добрыня опустил голову.— А если узнаешь?— Тогда, может быть, сумею её остановить.Он помолчал.— Ты ведь не одна пойдёшь?— Не одна.Добрыня кивнул, но тревога не исчезла с его лица.Уже ночью Милослава проснулась от тихого звона. Медная птица лежала на столе, и её крылья едва заметно подрагивали.Девушка встала и подошла ближе.На металле проступили тонкие слова. Они были выгравированы так мелко, что раньше их невозможно было заметить:**«Когда огонь отразится в реке, назови то, что утрачено. Но не называй того, кого желаешь вернуть».**Милослава успела прочесть надпись дважды.Потом буквы исчезли.За окном, далеко за домами, тихо звякнул колокол.В деревне не было колокольни. А тот колокол, который звонил, казалось, находился под водой.Колокол ударил ещё раз.Звук прокатился по деревне, и в каждом доме погас огонь. Не вспыхнул, не затрещал напоследок — просто исчез, будто его накрыли невидимой ладонью.Милослава отступила от окна.— Ярина! — позвала она.Старуха уже стояла посреди избы. В одной руке она держала нож, в другой — узкую полоску красной ткани. Добрыня проснулся и сел на лежанке.— Это колокол на старом погосте? — спросил он.— Там давно нет колокола, — ответила Ярина. — И погост не у реки.Ударил третий звон. На этот раз в стекле отразилась не изба, а чёрная вода. По ней плыли маленькие огоньки — словно в глубине горели свечи.Милослава прикрыла окно ставней.— Нам нельзя выходить, — сказала Ярина. — Что бы ни случилось.Снаружи раздались голоса. Сначала один, затем несколько. Люди звали друг друга, хлопали дверями, торопливо переговаривались. Кто-то побежал по улице.— Лукьян велел всем оставаться дома, — напомнила старуха. — Они должны были его слушаться.— Может, кто-то пострадал, — сказал Добрыня и спустил ноги с лежанки.— Оставайся здесь, — велела Ярина.Четвёртый звон заставил задрожать посуду в шкафу. Медная птица на столе подпрыгнула и упала на бок. Из трещины в её крыле вырвался золотистый свет.В ту же минуту с улицы донёсся крик:— Помогите! У колодца человек!Ярина помрачнела.— Это ловушка.— А если нет? — спросила Милослава.— Тогда те, кто слышал крик, уже идут туда. Но мы не пойдём.Она сняла с пояса связку ключей и перебрала их, пока не нашла маленький ржавый. Им старуха отперла дверцу под печью. За ней обнаружилась неглубокая ниша, прикрытая старым полотном.— Добрыня, сюда.— Я не буду прятаться.— Будешь. А если услышишь мой голос снаружи, не отвечай.Мальчик нахмурился, но послушался. Он забрался в нишу, и Ярина накрыла его полотном. Затем повернулась к Милославе и вложила ей в ладонь красную ленту.— Завяжи её на запястье. — Зачем?— Чтобы ты помнила, где заканчивается твоя воля и начинается чужая.Милослава хотела спросить, что это значит, но старуха уже повернулась к двери.С улицы снова позвали на помощь. На этот раз голос принадлежал Лукьяну.— Ярина! Милослава! Откройте!Милослава напряглась.— Это он?— Не знаю, — тихо ответила Ярина. — В том-то и беда.Стук повторился. Три коротких удара — именно так Лукьян стучал, когда приходил по делу.— Откройте, — попросил голос. — Вода поднялась. Нужно уходить к холму.Ярина посмотрела на внучку. — Ты с ним разговаривала сегодня?— Да. У мельницы.— Он говорил, куда идти, если река поднимется?— Нет.— Тогда не открывай.— Но это может быть правда.— Знаю.Старуха подняла нож. На дверном косяке снова вспыхнула красная черта, оставленная прошлой ночью. Дерево зашипело, словно на него плеснули водой.Голос за дверью умолк.Потом раздался глухой удар.В дверь будто упёрлись плечом. Засов жалобно скрипнул. Милослава шагнула к столу и схватила оберег, завернув его в край рубахи.— Не вынимай его, — сказала Ярина.— Если он защищает…— Он не щит. Он знак. Иногда знак привлекает больше, чем отгоняет.За дверью зашаркали шаги. Затем послышалось, как кто-то медленно обходит избу, касаясь стен ладонью.Милослава услышала лёгкое царапанье у окна.— Мила, — прошептал голос за ставней. — Это я.Она узнала Добрыню.Из ниши под печью донёсся приглушённый вздох. Мальчик тоже услышал.— Мила, открой. Я не хочу оставаться один.Девушка зажмурилась.

Голос был так похож на настоящий, что у неё свело пальцы. Она уже сделала шаг к окну, когда красная лента на запястье затянулась сама собой.Не больно, но достаточно, чтобы остановить её.— Он рядом, — выдавила Милослава.— Нет, — сказала Ярина. — Он под печью.Снаружи тихо рассмеялись.— Ты ведь обещала вернуться, — прошептал голос Добрыни. — Ты опять обещала и не пришла.Милослава прижала ладонь ко рту. Вспомнился брат у порога: *Это не обещание.* Вспомнился его испуганный взгляд, когда она уходила.— Не слушай, — повторила Ярина.Смех за окном оборвался. Послышался плеск, а затем тишина.Вскоре кто-то постучал уже в заднюю стену. Потом в крышу. Вокруг избы словно ходили невидимые гости, каждый раз пробуя найти незапертую дверь.А потом замолчал и колокол.Свет в печи снова появился — сначала крошечный красный огонёк, затем разгорелись угли. Ниша открылась, и Добрыня выбрался наружу.— Я не отвечал, — сказал он.— Знаю, — Милослава обняла его. — Ты молодец.— Оно говорило моим голосом?— Да.— Значит, оно может говорить кем угодно.Ярина подняла с пола медную птицу. Теперь трещина пересекала оба крыла, а золотой свет погас.— До купальской ночи остался день, — сказала она. — И река уже не ждёт. Она действует.— Что нам делать? — спросил Добрыня.— Найти место, где был спрятан первый оберег, — ответила старуха. — Веда оставила его не у себя. Она боялась, что Зоряна найдёт.— Но этот оберег у тебя, — сказала Милослава.— Этот — только оболочка. В нём хранится память о настоящем. Пока она цела, проход не откроется полностью. Но трещина растёт.Матвей появился на рассвете. Он пришёл с Лукьяном и Велемиром. Староста выглядел измученным, а на его рукаве засохла речная грязь.— Ночью три человека ушли к колодцу, — сказал он. — Вернулись не все.— Кто пропал? — спросила Милослава.— Двое. Соседские братья, Горд и Степан. Мы нашли их следы у самого берега, а потом они обрывались.Ярина сжала губы.— Река забрала их?— Не знаю, — ответил Лукьян. — Но на песке осталась лодочная борозда. Такая же, как вчера.Матвей опёрся на жердь.— Значит, она готовит переправу.— Куда ведёт проход? — спросила Милослава.Старик посмотрел на медную птицу.— Туда, где хранятся забытые имена. Веды, возможно, тоже.— Возможно?— Я не стану обещать того, чего не знаю.Милослава поблагодарила его взглядом. По крайней мере, Матвей не пытался утешить её выдуманной надеждой.— Где искать настоящий оберег? — спросил Велемир.Ярина медленно развернула птицу в ладонях. Затем провела пальцем по трещине.— Под корнями старой рябины. Там, где начинается дорога к заброшенному капищу.— Оно в лесу, — сказал Лукьян. — Далеко от деревни.— До сумерек успеем, если пойдём сейчас.— Я тоже иду, — заявил Добрыня.— Нет, — одновременно сказали Ярина и Милослава.Мальчик нахмурился, но на этот раз спорить не стал.— Его лучше отвести к Лукьяну, — сказала Ярина. — У старосты дом выше остальных. Если вода поднимется, там будет безопаснее.— Нигде не будет безопасно, пока река зовёт, — возразил Матвей. — Но мальчика надо оставить под присмотром.Добрыня посмотрел на сестру.— Ты вернёшься до темноты?Милослава коснулась красной ленты на запястье.— Постараюсь.— Тогда я буду ждать у Лукьяна.— Хорошо.Они вышли из деревни, когда солнце только поднялось над крышами. На этот раз путь лежал не к мосту, а в сторону старого капища, куда давно никто не ходил. Ярина объяснила, что рябина там росла ещё до основания деревни. Когда-то люди приносили к ней хлеб и мёд, прося защиты от бед и дурного глаза.— А теперь там кто-нибудь живёт? — спросил Велемир.— В лесу всегда кто-нибудь живёт, — ответила Ярина. — Только не всякий хочет, чтобы его нашли.Дорога быстро исчезла среди кустарника. Они шли по сухому оврагу, затем поднялись на холм. За ним начинался лес, непохожий на дубраву у старого моста: деревья здесь росли тесно, а их корни поднимались из земли, словно переплетённые пальцы.Когда путники достигли первых сосен, Милослава услышала шёпот.— Не отвечай, — напомнила Ярина.Но шёпот шёл не сзади. Он доносился из самой земли.— Кровь вернулась, — говорили корни.Милослава посмотрела на свои руки. На ладонях не было ни царапины, ни капли крови.— Они чувствуют мою мать? — спросила она.— Может быть, — ответила Ярина. — А может, тебя.В глубине леса трижды

каркнула ворона. Затем с дерева перед ними сорвалась стайка чёрных птиц. Одна осталась на ветке и повернула голову набок.В её клюве блеснуло что-то медное.Милослава достала оберег. Птица в её руках отозвалась слабым теплом.Ворон каркнул и полетел дальше, не сводя с них одного блестящего глаза.— Кажется, он показывает дорогу, — сказал Велемир.— Или ведёт туда, куда хочет, — возразил Лукьян.Ярина поправила платок.— В любом случае, выбирать нам придётся самим.Они пошли за вороном. Деревья смыкались за спиной, и вскоре деревня исчезла из виду. На тропе лежали белые камешки, каждый с маленькой чёрной отметиной. Милослава заметила, что камешки выложены не случайно: они складывались в узор, похожий на раскрытое птичье крыло.Через какое-то время ворон опустился на поваленный ствол и снова каркнул. За ним открылась поляна.В центре поляны стояла старая рябина. Её ствол был толстым и раздвоенным, а ветви — голыми, хотя вокруг всё зеленело. У корней лежали две вещи: детская деревянная игрушка и ржавый ключ.Ярина остановилась так резко, что Лукьян чуть не налетел на неё.— Этот ключ был у твоего отца, — сказала она.Милослава наклонилась, но не коснулась его.На ключе висела полоска ткани. Выцветшая синяя лента — такая же, как та, которой когда-то был обмотан свёрток с медной птицей.Из-под корней послышался тихий стук.Один раз.Потом второй.И совсем близко, прямо под землёй, кто-то произнёс:— Веда.Имя прозвучало из-под корней так ясно, что Милослава шагнула к рябине.Ярина тут же схватила её за плечо.— Не отвечай.— Но это мама.— Или то, что знает её имя.Под землёй снова постучали. На этот раз трижды — медленно и ровно, будто кто-то просил впустить его.Старый ключ у корней дрогнул. Его зубцы повернулись к Милославе.— Я не стану открывать, — сказала она.— Не говори с ним, — повторила Ярина. — Даже отказ может стать ответом.Милослава замолчала.Ворон перескочил на соседнюю ветку и каркнул. С его клюва сорвалась крошечная серебристая капля. Она упала на землю и тут же исчезла, словно почва её впитала.Лукьян приподнял копьё.— Что нам делать?Ярина не сводила глаз с ржавого ключа. — Найти тайник. Веда спрятала оберег где-то рядом.— А ключ?— Оставить.Старуха обошла рябину по кругу, внимательно разглядывая землю. У северной стороны корни расходились в стороны, образуя тёмную впадину. Между ними виднелась узкая щель, заполненная сухими листьями.Милослава присела рядом, но не стала убирать листья руками. Вместо этого взяла сломанную веточку и осторожно раздвинула их. Под ними обнаружилась плоская каменная крышка. На камне был вырезан знак птицы с расправленными крыльями.— Вот и тайник, — сказал Велемир.Он попробовал поддеть камень молотом, но Ярина остановила его.— Не железом. Сдвинь его по часовой стрелке.— Камень?— Камень.Велемир пожал плечами и взялся за край. Крышка подалась неожиданно легко, будто ждала этого прикосновения. Под ней обнаружилась небольшая полость. Внутри лежал кусок тёмной ткани, а на нём — круглая серебряная пластина с отверстием посередине.Милослава узнала узор на ней: такой же знак был изображён на медной птице.— Это и есть настоящий оберег? — спросил Лукьян.— Нет, — ответила Ярина. — Это его сердце.Она протянула руку, но серебро потемнело. По краю пластины поползла тонкая синяя полоска, похожая на каплю воды.— Не трогай, — сказал Матвей, которого они почти забыли за спиной. Старик подошёл ближе и опёрся на жердь. — Сначала надо спросить, кому она принадлежит.— Она принадлежала Веде, — возразила Милослава.— Была её. Но вещи, связанные с клятвами, иногда становятся не вещами, а свидетелями.— И что нам делать? Оставить её здесь?Матвей посмотрел на корни.— Нет. Но взять её может только тот, кто не станет требовать от неё ответа.Милослава не поняла, как это сделать. Она хотела спросить о матери, об отце, о ночном голосе и о том, почему река выбрала именно её. Желание узнать правду было сильнее страха.— А если я просто возьму? — спросила она.— Тогда оберег может принять тебя за хозяйку и связать с тем, что под землёй.Из-под корней донёсся шорох. Земля у каменной полости осела.— Веда, — снова позвал голос. — Дочь моя.Теперь он звучал не как голос матери — скорее как голос Ярины, если бы та была моложе. Милослава посмотрела на бабку. Та побледнела.—

Это не мама, — сказала Милослава.— Нет, — согласилась Ярина. — Но оно знает, как я её звала.— Ты знала её раньше меня.— Знала.Ярина опустилась на колени перед тайником. Она не коснулась серебряной пластины, только склонила голову.— Веда, если ты слышишь нас, дай знак, что это действительно ты.Тишина.Потом рябина глухо застонала. Её ветви задвигались, хотя ветра не было. Сухие листья закружились у корней, и один зацепился за плечо Милославы.Из каменной полости поднялся слабый запах мёда и дымного травяного настоя. Такой запах стоял в избе, когда Ярина лечила простуду детям.Старуха закрыла глаза.— Это она, — сказала Милослава.— Может быть, — ответил Матвей. — А может, память о ней.— Какая разница?— Для сердца — большая. Для выбора — никакой.Милослава сняла красную ленту с запястья и положила рядом с серебряной пластиной. Лента не коснулась металла, но её концы дрогнули, словно подул лёгкий ветер.— Я не прошу вернуть её, — сказала Милослава. — Не прошу открыть мне дорогу к ней. Я просто хочу унести то, что она оставила.Рябина стихла.Серебро посветлело. Синяя полоска исчезла, а на поверхности проступили тонкие линии, складывающиеся в крыло.Матвей кивнул:— Теперь можно.Милослава осторожно взяла пластину. Она была тёплой, почти живой. В тот же миг медная птица за пазухой Ярины тихо звякнула. Трещина на её крыле сомкнулась, но не исчезла совсем.Из-под корней донёсся последний стук.Один.И земля умолкла.— Нужно уходить, — сказал Лукьян. — До темноты в деревню не успеем, если задержимся.Велемир положил каменную крышку на место. Они уже повернулись к тропе, когда ворона вдруг взлетела с ветки и понеслась к краю поляны.Следом за ней, между деревьями, мелькнула белая фигура.— Зоряна, — прошептала Милослава.Женщина стояла далеко, но лес вокруг неё будто потемнел. Она не приближалась. Только смотрела на серебряный оберег в руках девушки.— Ты взяла то, что принадлежит твоему роду, — донёсся её голос. — Значит, придёшь в купальскую ночь.— Я ещё ничего тебе не обещала.— Обещания редко произносят вслух.Зоряна подняла руку. На её ладони лежал маленький деревянный гребень. Милослава узнала его: такой гребень мать носила в волосах на старом портрете, который хранился у Ярины.Сердце девушки забилось чаще.— Где ты его взяла? — спросила она.— Там, где заканчивается дорога твоей матери.— Она жива? Зоряна улыбнулась, но в этой улыбке не было ни злорадства, ни радости.— В купальскую ночь ты сможешь задать ей один вопрос.Милослава сжала серебряную пластину.— А если я не приду?— Тогда вопрос останется без ответа.Белая фигура растаяла среди деревьев. На том месте, где она стояла, расцвёл один синий цветок.Никто не заговорил, пока они не покинули поляну.Возвращаясь к деревне, Милослава несла оберег у сердца. Она чувствовала его тепло сквозь ткань и думала о словах Зоряны. Один вопрос. Всего один.Она могла бы спросить, жива ли мать. Могла бы узнать, что случилось с отцом. Или выяснить, почему клятва всё ещё держит их семью.А потом вспомнила предупреждение на медной птице: *не называй того, кого желаешь вернуть.*К вечеру они добрались до деревни. Добрыня ждал у старостиного дома, как и обещал. Увидев Милославу, он сперва улыбнулся, но тут же заметил её лицо.— Что случилось?— Мы нашли оберег.— А маму?Милослава не стала лгать.— Не знаю. Зоряна обещала ответ в купальскую ночь.Добрыня посмотрел на серебряную пластину у неё в руках. — Значит, ты пойдёшь?Милослава не ответила.Вдалеке, за домами, снова ударил подводный колокол.На этот раз вместе с ним прозвучал второй — тонкий, серебряный звон. Он донёсся от самой медной птицы, которую Ярина держала за пазухой.Оберег дрожал.А на краю деревни, у дороги к реке, кто-то уже зажёг купальский костёр.Костёр на краю деревни горел слишком рано.До купальской ночи оставался ещё день, и никто не должен был разводить огонь у реки. Милослава знала это не только от Ярины: так говорили старики, так помнили даже дети. Костёр зажигали после заката в праздник, когда люди собирались на поляне и ждали, пока в небе покажутся первые звёзды.А этот уже пылал.Красное зарево дрожало над крышами, но дыма почти не было. Пламя стояло высоким и неподвижным, словно нарисованное на чёрном полотне.— Кто его зажёг? — спросила Милослава.— Я отправил людей проверить, —

ответил Лукьян. — Никого у костра нет.Добрыня стоял рядом с сестрой и смотрел на огонь. Ярина придерживала его за плечо, будто боялась, что мальчик внезапно побежит к реке.Матвей покачал головой:— Не подходите.— Нужно потушить, — сказал Велемир. — Пока от него не занялся лес.— Оно не горит по-настоящему, — возразил старик. — Это приманка.— Тогда тем более надо её убрать.Велемир направился к сараю за ведром, но Ярина преградила ему дорогу.— Обычная вода не поможет.— А что поможет?— Знать бы.Лукьян велел людям держаться подальше от берега и отправил двоих стражников к старому колодцу. Сам он остался у площади, чтобы собрать тех, кто ещё не разошёлся по домам.Милослава не могла отвести взгляда от огня. Ей казалось, что внутри пламени кто-то движется. Иногда между языками света проступало лицо, но стоило присмотреться — и оно исчезало.Серебряная пластина в её ладони нагрелась.— Она зовёт тебя, — тихо сказала Ярина.— Не её одну. Всех.Будто в ответ на слова Милославы, костёр вспыхнул ярче. Из пламени донёсся протяжный женский напев. Слова были неразборчивы, но мелодия казалась знакомой. Милослава слышала её в детстве — мать напевала у колыбели.Ярина побледнела.— Это колыбельная Веды.— Откуда костёр её знает?— Не костёр. Тот, кто за ним стоит.Добрыня зажал уши ладонями.— Пусть замолчит! Пламя взметнулось выше. На этот раз песня стала громче, и Милослава различила слова:*Спи, моя ясная, спи у воды,слышишь ли ветер в сухой лебеды?Спи, пока звёзды над лесом горят,спи, пока реки тебя не зовят…*Милослава знала только первые строки. Остальные она услышала впервые. И всё же голос матери пел их так, будто всегда пел.Серебро в её руке обожгло кожу. Девушка вскрикнула и уронила пластину.Та упала в траву. Из травы поднялся свет, тонкий и ровный, словно серебряная нить. Нить потянулась от оберега к костру.Матвей опустил жердь поперёк её пути.— Не дай ей дойти до огня!Велемир ударил молотом по земле перед костром. Глухой звук прокатился по поляне. Пламя дрогнуло, и песня оборвалась.Серебряная нить лопнула.В ту же секунду огонь обрушился сам на себя. На поляне осталось чёрное пятно, а над ним поднялось облако пара.Из пара вышла девочка в белой рубахе. Она была лет восьми, с тёмными волосами и босыми ногами. Милослава не знала её, но Ярина ахнула.— Это Лада, — прошептала старуха. — Дочь мельника. Она пропала ещё до того, как ты родилась.Девочка подняла голову. В её глазах отражалось пламя, которого уже не было.— Ярина, — сказала она. — Ты обещала найти мою маму.Старуха закрыла лицо ладонью.— Лада…Девочка повернулась к Милославе.— Ты принесла ключ?— Нет, — ответила девушка.— Тогда они не смогут открыть дверь.— Кто?Но девочка уже смотрела на Ярину.— Мама ждёт на другой стороне. Скажи ей, что я выросла.— Лада, подожди! — Ярина шагнула к ней.Девочка рассыпалась туманом.На земле остался круг мокрой травы. В его середине лежала маленькая костяная бусина.Ярина подняла её и прижала к груди.— Ты её знала? — спросила Милослава.— Она была младше тебя на несколько лет. Однажды ушла за ягодами и пропала. Мы искали её до первых снегов. Я обещала её матери, что найду.— И не нашла?— Нет.На поляне стало тихо. Ветер шевелил траву, и где-то вдалеке ухнула сова.— Значит, Зоряна не только нас зовёт, — сказал Лукьян. — Она показывает тех, кого забрала.Матвей кивнул.— Или тех, кого хочет, чтобы мы увидели.Ярина сжала бусину в кулаке.— Иногда это одно и то же.Добрыня подошёл к сестре и взял её за руку.— Ты всё равно пойдёшь к реке?Милослава посмотрела туда, где ещё недавно горел костёр.— Не знаю.— А если она снова покажет маму?— Тогда постараюсь понять, правда ли это.— Как?Девушка не смогла ответить.Они вернулись к старостиному дому. Лукьян распорядился, чтобы этой ночью никто не выходил без его разрешения. Велемир поставил у дверей кузницы железные заслоны и велел помощникам не открывать, если услышат знакомые голоса. Матвей попросил принести ему хлеба и воды, а сам принялся чертить на полу мельницы знаки, которые не хотел объяснять.Ярина отвела Милославу в избу и заперла дверь на засов.— Нам нужно поговорить, — сказала она.Добрыня остался у Лукьяна. Перед уходом он обнял сестру и попросил не забыть о нём, если река снова заговорит. Милослава пообещала, что не забудет.Когда они остались вдвоём, Ярина положила на стол серебряную

пластину и медную птицу. Два оберега едва касались друг друга, но между ними пробегала тонкая золотистая искра.— Ты сказала, что Зоряна не получила того, что обещал дед, — начала Милослава. — Что именно он ей обещал?Ярина долго смотрела на огонь в печи.— Радогост пообещал отдать реке первого наследника, который родится в его роду.— Первого наследника?— Да.— Значит, меня.— Тогда никто не знал, что родишься ты. Твой дед думал, что первым ребёнком будет сын твоей матери. Он хотел отдать себя, но слова уже были сказаны.Милослава отошла от стола.— Ты знала, что клятва касается меня?— Узнала, когда ты родилась.— И всё равно оставила меня здесь?— Я пыталась спрятать тебя от реки.— А потом просила её спасти меня, пообещав, что я сама приду к воде.Ярина опустила голову. — Я надеялась, что к тому времени сумею найти другой выход.— Нашла?— Нет.Милослава почувствовала, как внутри поднимается прежний гнев. Но теперь в нём было и горе — за мать, за отца, за людей, которых забрала река, и за саму себя, чья судьба была решена до рождения.— Почему ты не сказала мне раньше?— Потому что ты была ребёнком.— А теперь я достаточно взрослая, чтобы идти на смерть?— Я не хочу, чтобы ты шла на смерть.— Но всё равно отправишь?— Нет. Я пойду с тобой.— А если это потребует твоей жизни?— Я уже отдала реке больше, чем собиралась.Милослава заметила, что Ярина избегает её взгляда.— Что ещё ты скрываешь?Старуха взяла медную птицу. На её крыле оставалась глубокая трещина. — Веда не просто исчезла. Перед тем как уйти, она попросила меня запомнить одно слово. Я много лет не понимала, зачем.— Какое?Ярина коснулась пальцем золотого глаза птицы. — «Перепутье».Серебряная пластина ответила тихим звоном. На ней проступил новый знак: две пересекающиеся линии и маленький круг посередине.— Что это значит? — спросила Милослава.— Не знаю.Снаружи кто-то постучал в дверь.Один раз.Потом второй.Ярина погасила лампу и подняла руку, призывая Милославу к тишине.— Кто там? — спросила девушка.С той стороны ответил голос Добрыни:— Мила, открой. Я забыл сказать кое-что важное.Милослава стиснула зубы. Добрыня должен был остаться у Лукьяна.Ярина бесшумно подошла к двери и посмотрела в щель между досками.— Это не он, — прошептала она.— Что ты забыл? — спросила Милослава, не открывая.Голос за дверью помедлил.— Я нашёл мамину бусину. Она сказала, что ждёт тебя на берегу.Ярина покачала головой: это была ложь. Костяная бусина оставалась у неё на столе.— Иди прочь, — сказала Милослава.За дверью повисла тишина.Потом голос Добрыни стал другим — низким и чужим:— Ты не узнаешь правду, если будешь всё время бояться.— Пусть правда подождёт до рассвета.— Рассвета не будет.В ту же минуту за окном потемнело. Тучи закрыли небо, и даже луна исчезла. Ярина стиснула рукоять ножа.— Оно пытается заставить нас выйти, — сказала она.Медная птица вдруг вспыхнула, осветив комнату. На её крыльях проступили слова:**«Перепутье откроется тому, кто помнит дорогу назад».**Милослава прочла надпись вслух.— Это ответ?— Похоже, — сказала Ярина. — Но дорогу назад нельзя просто найти. Её нужно помнить.— Я помню дорогу домой.— Нет, Мила. Не ту дорогу.За дверью скрипнули доски. Кто-то провёл ногтями по косяку.Ярина быстро завернула обереги в ткань и сунула Милославе в мешок.— До утра не выходи. Я позову Лукьяна. Нам нужно найти Матвея и узнать, что он знает о перепутье.— А ты?— Я проверю, что стало с костром.— Ты сказала не выходить.— Я сказала тебе.Милослава схватила бабку за рукав.— Не уходи одна.Ярина помедлила, затем кивнула.Они дождались, пока за дверью стихнут шаги, и выбрались через задний выход. В деревне было темно. Ни в одном окне не горел свет. Только на дальнем краю поляны тлела крошечная красная искра.Костёр снова начинался.Ярина и Милослава пошли к площади, держась у стен домов. У колодца на миг показалась белая фигура — и исчезла. У кузницы тихо звякнуло железо. Затем где-то за ними раздался знакомый голос:— Ярина, подожди.Старуха остановилась.Милослава крепче сжала её руку.— Не оборачивайся, — прошептала она.— Знаю.Но голос повторил: — Ярина. Это я.Теперь в нём не было притворства. Он звучал устало, с мягкой хрипотцой, как голос её покойного мужа.Ярина побледнела.— Не смотри, — сказала Милослава.Голос

за спиной вздохнул.— Ты обещала мне, что больше не оставишь её одну.Ярина закрыла глаза. На миг Милославе показалось, что бабка сейчас вырвет руку и побежит назад. Но она осталась на месте.— Он знал, что сказать, — прошептала Ярина. — Именно поэтому нельзя оборачиваться.Они пошли дальше.На площади у старого колодца горел купальский костёр. Он был невысоким, но пламя отбрасывало тени во все стороны сразу — даже против ветра. Рядом стоял Матвей. В руках он держал длинную жердь, а у ног лежали три связки сухих трав.— Я ждал вас, — сказал он.— Ты знал, что костёр снова загорится? — спросила Милослава.— Нет. Но знал, что она не оставит вас в покое.Матвей бросил травы в огонь. Пламя окрасилось в зелёный цвет, и в его сердцевине открылся узкий проход. Не дверь — скорее трещина в воздухе, за которой виднелась незнакомая дорога.Там стояла девочка в белой рубахе.Лада.Она смотрела прямо на Милославу.— У тебя осталось мало времени, — сказала девочка. — Когда прозвенит третий колокол, перепутье закроется.— Где находится перепутье? — спросила Милослава.— Там, где твоя мать выбрала остаться.— Веда жива?Девочка не ответила. За её спиной проступил силуэт женщины с длинными тёмными волосами.Милослава подалась вперёд, но Ярина удержала её.— Не спрашивай, — прошептала старуха.Пламя затрещало. Вдали прозвучал первый удар подводного колокола.Девочка протянула ладонь.— Если хочешь увидеть мать, приходи на берег до рассвета.И исчезла. Костёр снова стал обычным — красным и горячим. На площади повис запах полыни и мокрой земли.Матвей тяжело опёрся на жердь. — Теперь она торопит вас, — сказал он. — Значит, боится, что вы узнаете что-то раньше неё.— Что именно? — спросила Милослава.Старик посмотрел на серебряную пластину в её мешке.— Что перепутье не ведёт только к мёртвым. Оно ведёт к месту, где когда-то дали клятву. А тот, кто первым нарушил её, всё ещё может быть жив.Милослава вспомнила отца — и холодную руку, протянутую с другого берега.— Ты говоришь о Радогосте?— Нет, — ответил Матвей. — Я говорю о твоём отце. Он не умер у старого моста. Но и человеком его назвать теперь непросто.Второй подводный колокол ударил где-то под землёй.Милослава посмотрела в сторону реки. За крышами домов не было видно воды, однако она услышала, как течение меняет направление.До третьего удара оставалось совсем немного.— Ты сказал, что отец жив, — произнесла Милослава. — Что с ним случилось?

Матвей не ответил сразу. Он смотрел на костёр, где зелёное пламя уже уступало место обычному красному.

— После исчезновения Веды твой отец долго искал её. В конце концов он нашёл перепутье — место между берегами. Он сумел пройти туда, куда живым ходить нельзя. Но обратно вернулся не весь.

— Что значит «не весь»?

— Он оставил там часть себя. Память, может быть. Или душу. Я не знаю.

Ярина крепче сжала нож.

— Ты знал и молчал?

— Я знал лишь то, что видел. Твой отец вернулся к мосту один. Был бледен, не узнавал меня и всё спрашивал, где его дочь. На рассвете он ушёл в лес. После этого мы его больше не встречали.

— Почему ты не рассказал мне?

— Потому что тогда ты была ребёнком. А позже я надеялся, что он ушёл навсегда.

— Надеялся? — Милослава взглянула на Ярину. — Все вокруг только надеялись. А мне никто ничего не говорил.

— Потому что страх не станет меньше оттого, что мы назовём его, — тихо сказала бабка.

— Но и правдой он не перестаёт быть.

Ярина опустила глаза. Милослава отвернулась: сейчас ей не хотелось ни ссориться, ни прощать. Она просто хотела понять, какой дорогой идти.

Из глубины земли донёсся второй удар подводного колокола. Костёр вспыхнул, и на мгновение вокруг него проступила дорожка из мокрых камней. Она вела к окраине деревни, туда, где начинался спуск к реке.

— Не ходи за ней, — сказал Матвей. — Она показывает путь, который сама выбрала.

— А если это путь к перепутью?

— Тогда всё равно опасный.

— Значит, другой дороги нет?

Старик крепко сжал жердь.

— Есть. Но придётся искать её самой.

Велемир появился на площади, запыхавшийся, с молотом в руке.

— У колодца снова вода. Она поднимается изнутри. Лукьян собирает людей на холме.

— А Добрыня? — спросила Милослава.

— С ним всё хорошо. Он у старосты.

Тревога немного отпустила её, но только немного.

Ярина подняла с земли связки трав и передала одну Милославе.

— Если увидишь синее пламя, брось туда полынь. Только не стой близко.

— А если увижу отца?

— Не верь ему, пока он не назовёт то, чего не знает никто, кроме вас двоих.

Милослава нахмурилась.

— Что именно?

— Ты сама вспомнишь.

Старуха не стала объяснять. Они направились к дому Лукьяна, стараясь держаться подальше от колодца. На улицах уже собрались люди. Кто-то нёс на холм детей, кто-то — узлы с одеждой. Велемир раздавал железные гвозди и велел прибивать ими ставни. Люди испуганно переглядывались, но выполняли его распоряжения.

Добрыня ждал у старостиного дома. Увидев сестру, он выбежал навстречу.

— Там в колодце кто-то разговаривает, — сказал он. — Голосами тех, кто пропал.

— Ты подходил близко?

— Нет. Лукьян запретил.

Милослава обняла его и почувствовала, как он дрожит.

— Мы уйдём на холм вместе.

— А мама?

Она не ответила.

Добрыня посмотрел на её мешок.

— Ты ведь можешь спросить её в купальскую ночь?

— Возможно.

— Тогда спроси, почему она ушла.

Эти слова отозвались болью. Милослава хотела спросить то же самое, но теперь сомневалась, что имеет право выбирать вопрос за двоих.

— Я постараюсь узнать правду, — сказала она.

— Только не отдавай себя реке.

— Не отдам.

В тот миг издалека донёсся третий удар.

Он был громче первых двух. Звук прошёл сквозь землю, стены и тела. Люди на улице замерли. У кого-то выпала из рук корзина. У забора заплакал ребёнок, а собаки, до того метавшиеся по дворам, умолкли все разом.

На небе погасли звёзды.

За деревней река поднялась над берегами. Вода не хлынула на улицы, а застыла ровной тёмной стеной, будто между деревней и лесом выросла высокая гладкая гора. По её поверхности пробегали огоньки.

— Не смотрите долго! — крикнула Ярина.

Но Милослава уже увидела в воде отражение. На другом берегу стоял отец. Рядом с ним — женщина, чьё лицо она знала только по старому портрету.

Веда.

Мать подняла руку и приложила ладонь к невидимой преграде.

Милослава шагнула к реке.

Добрыня схватил её за запястье.

— Не уходи.

Она повернулась к брату. Он смотрел на неё с тем же страхом, что и у порога перед её уходом. Красная лента, завязанная на запястье Милославы, затянулась.

Девушка остановилась.

В воде мать что-то сказала, но звука не было. Потом она указала не на Милославу, а на серебряный оберег в её мешке.

Матвей вдруг резко побледнел.

— Она показывает сердце оберега.

— Что это значит? — спросила Ярина.

— Не знаю. Но, кажется, Веда не хочет, чтобы Милослава шла к ней.

Милослава снова взглянула на отражение. Мать покачала головой — медленно, отчаянно. Затем отец взял её за плечо и оттянул назад. На мгновение он посмотрел прямо на дочь. В его лице не было ни чужой тени, ни прежнего притворства. Только усталость.

Он беззвучно произнёс два слова.

Не приходи.

Вода содрогнулась. Образ матери исчез, за ним — отец. Тёмная стена обрушилась в реку и хлынула по берегу, но, достигнув деревни, остановилась. Волна рассыпалась дождём, не намочив ни одного дома.

Милослава опустила взгляд. Серебряная пластина в мешке потемнела. На её поверхности проступило ещё одно слово:

«Перепутье».

— Значит, дверь открылась? — спросил Лукьян.

— Нет, — ответил Матвей. — Но теперь мы знаем, где искать.

— Где?

Милослава посмотрела на Ярину.

— У старого моста. Там, где отец исчез.

— Мост затоплен, — сказал Велемир.

— Тогда пойдём к нему по земле.

Матвей покачал головой.

— Земной дороги туда больше нет. Чтобы попасть к перепутью, нужно пройти через воду.

Ярина взяла Милославу за руку.

— До купальской ночи у нас есть время. Сначала отведём людей на холм. Потом решим, как перейти.

— А если за ночь река снова поднимется?

— Тогда будем решать быстрее.

Добрыня не отпускал сестру.

— Я пойду с вами.

— Нет, — сказала Милослава. — Ты останешься с людьми.

— Я не хочу снова ждать, пока кто-то исчезнет.

— Ты не будешь ждать один. Я вернусь.

Он посмотрел на неё, будто хотел заставить дать более надёжное обещание. Милослава присела и прижала его лоб к своему.

— Я не стану обещать невозможного, — прошептала она. — Но я не забуду дорогу домой.

Добрыня кивнул.

На востоке, за лесом, начинал сереть край неба. Подводный колокол замолчал. Река вернулась в свои берега, оставив на траве мокрые следы, похожие на цепочку босых ног.

Одна такая цепочка тянулась от воды прямо к дому Ярины.

Следы обрывались у порога. А на двери, под зарубкой, оставленной красным ножом, кто-то вывел мокрым пальцем:

«В следующий раз придёшь сама». Ярина провела пальцем по мокрой надписи. Буквы расплылись и потекли вниз, оставляя на двери тёмные полосы.

— Не трогай, — сказала Милослава.

— Уже поздно.

Старуха отдёрнула руку. На подушечке пальца остался синий след. Она вытерла его о подол, но пятно не исчезло — только расползлось по ткани тонкой ветвистой линией.

— Что это? — спросил Добрыня.

— След перепутья, — ответил Матвей. — Теперь река знает, что мы видели её знак.

Лукьян велел людям идти на холм. Никто не спорил. Даже самые упрямые старики оставили дома и двинулись по сухой дороге, унося с собой узлы, детей и то немногое, что успели собрать. Велемир шёл последним, помогая тем, кто не мог идти быстро.

Ярина отправила Добрыню с Лукьяном. Мальчик оглядывался на сестру, пока деревья не закрыли дорогу.

— Мы пойдём к старому мосту? — спросила Милослава.

— Не сегодня, — сказал Матвей. — Сначала нужно понять, как перейти. Если вода снова поднимется, обычная лодка не поможет.

— А если перепутье откроется само?

— Тогда мы должны быть готовы закрыть его.

Они вернулись в избу Ярины. Медная птица и серебряная пластина лежали на столе. Между ними натянулась тонкая золотая нить, светившаяся даже при закрытых ставнях.

Матвей внимательно осмотрел обереги, не касаясь их.

— Сердце должно войти в птицу, — сказал он. — Но не силой.

— Как тогда? — спросила Милослава.

— Когда поймёшь, что именно нужно оставить за перепутьем.

— Я должна что-то оставить?

— Любой путь требует платы. Вопрос в том, кто её выбирает.

Ярина резко подняла голову.

— Ты не говорил, что оберег потребует плату.

— Я не знаю, потребует ли. Но это случается с древними вещами. Особенно с теми, что связаны с клятвой.

— Ты опять говоришь загадками.

— Потому что не знаю ответа.

Милослава посмотрела на серебряную пластину. На её поверхности теперь проступал едва заметный узор, похожий на речные волны. Девушка вспомнила, как мать указала на оберег, а отец беззвучно произнёс: «Не приходи».

— Мама не хочет, чтобы я шла к ней, — сказала она.

— Возможно, она хочет уберечь тебя, — ответила Ярина.

— Или не хочет, чтобы я узнала правду.

— Веда никогда не боялась правды.

— А ты?

Старуха молчала.

Милослава подошла к окну и приоткрыла ставню. За деревней светлело небо. Река скрылась за холмом, но воздух всё равно пах водой и холодной землёй. На крыше соседнего дома сидела ворона — та самая, что привела их к рябине. Она держала в клюве тонкую синюю нить.

Птица каркнула и бросила нить вниз. Та не упала на землю, а повисла в воздухе, направленная концом к лесу.

Матвей увидел это и нахмурился.

— Она снова показывает дорогу.

— Куда? — спросила Милослава.

— Может быть, к переправе. Может быть, в ловушку.

— Мы всё равно должны идти.

— Не сейчас, — возразила Ярина. — Ты не спала всю ночь. Идти на зов без сил — верный способ потерять себя.

Милослава хотела спорить, но вдруг поняла, как сильно устала. Плечи ныли, веки тяжелели, а мысли путались. Она присела на лавку.

— Отдохни немного, — сказала Ярина. — Я разбужу тебя, если что-то изменится.

Милослава легла, не снимая плаща. Перед тем как закрыть глаза, она увидела, как Ярина накрывает обереги полотенцем, а Матвей садится у двери с жердью на коленях.

Сон пришёл не сразу.

Сначала Милослава слышала тихий стук дождя. Потом запахло речной мятой — её собирала мать у воды, когда Милослава была совсем маленькой. Девушка будто стояла на длинном деревянном настиле. По обе стороны простиралась тёмная река, но вода не касалась досок.

Впереди шла женщина.

— Мама? — позвала Милослава.

Женщина обернулась. Её лицо было молодым, но усталым. На виске виднелась тонкая белая прядь.

— Не иди за мной, — сказала она.

— Ты жива?

— Этот вопрос не поможет тебе.

— Тогда скажи, как закрыть перепутье.

Мать посмотрела на её руки.

— Ты уже носишь дорогу с собой.

— Что это значит?

— Найди то, что отец оставил у порога.

— Какого порога?

Женщина не ответила. Вода за её спиной засветилась, и Милослава увидела в отражении старую избу: печь, стол, узкое окно. На полу лежал топор отца. Тот самый, что нашли у моста.

— Он не умер, — прошептала Милослава.

— Он ждёт, когда ты позовёшь его обратно.

— Я не стану.

— Тогда не называй его имени у воды.

Женщина протянула руку, но между ними поднялась волна. Настил накренился. Милослава схватилась за перила, а мать отступила в темноту.

— Подожди! Что значит «то, что отец оставил у порога»?

— Вспомни, где он прощался с тобой в последний раз.

Вода поглотила её слова.

Милослава проснулась от резкого звона. Медная птица лежала на полу, а серебряная пластина на столе светилась изнутри.

— Что случилось? — спросила она, поднимаясь.

Ярина стояла у двери. Матвей держал жердь поперёк комнаты.

— Кто-то пришёл, — ответила старуха.

— Кто?

— Посмотри сама.

За дверью молчали. Ни шагов, ни дыхания. Только снаружи скребло по дереву что-то лёгкое и нетерпеливое.

Милослава подошла ближе. Красная черта на косяке потускнела, но не исчезла.

— Не открывай, — сказал Матвей.

Девушка не коснулась засова. Вместо этого наклонилась и посмотрела в щель у порога.

Там лежала маленькая вещь — деревянная свистулька в форме птицы.

Милослава узнала её. Отец вырезал эту свистульку в тот летний вечер, когда учил её свистеть. Она хранилась в сундуке до его исчезновения, а потом пропала.

— Как она могла оказаться здесь? — прошептала девушка.

Ярина встала рядом.

— Ты уверена, что это та самая?

Милослава кивнула.

Снаружи раздался голос отца:

— Я оставил её у порога, Мила. Ты сама спрятала её, когда была маленькой.

Девушка вспомнила: свистулька выпала у неё из рук, когда отец уходил из дома. Она заплакала и спрятала её под половицу у порога, чтобы никто не забрал. Через несколько дней отец обещал вырезать новую, но так и не успел.

— Это правда, — сказала Милослава.

— Правда не всегда говорит голосом правды, — напомнил Матвей.

Девушка прикрыла глаза. Она вспомнила, где именно спрятала свистульку: у порога, под широкой доской, рядом с печью. Но эта доска давно рассохлась, и под ней ничего не было, когда Ярина недавно чинила пол.

— Он оставил её там не сейчас, — поняла Милослава. — Она всё это время была здесь, под полом.

За дверью отец тихо вздохнул.

— Возьми её, дочь. В ней есть дорога домой.

Ярина посмотрела на внучку.

— Возможно, во сне ты увидела именно её.

— Я не могу оставить её снаружи.

— Тогда дождись, пока голос уйдёт.

Они молчали. За дверью больше не скребли. Через несколько минут голос отца сказал:

— Я буду ждать у старого моста.

Потом шаги удалились.

Матвей осторожно отпер дверь, не переступая порога. Свистулька лежала на коврике. Вокруг неё не было ни воды, ни следов.

Милослава подняла её через край плаща. Дерево оказалось сухим и тёплым. На боку птицы была вырезана крошечная метка — знак, похожий на пересекающиеся линии с маленьким кругом посередине.

Тот же знак, что появился на серебряной пластине.

— Теперь у нас есть дорога, — сказала Милослава.

Ярина внимательно посмотрела на свистульку.

— Или ключ к ней.

Из-за холма донёсся крик. Потом второй. Лукьян звал на помощь.

Они выбежали из избы. На дороге к возвышенности темнела узкая полоса воды. Она двигалась против уклона, поднимаясь от реки к людям.

— Вода идёт на холм, — крикнул Велемир, торопливо появившись из переулка. — Нужно уводить всех дальше, к лесному камню!

Матвей вскинул жердь.

— Она уже открыла часть пути.

Милослава сжала свистульку. Дерево ответило слабым звоном.

За холмом, там, где должен был быть старый мост, раздался третий — уже не подводный, а совсем близкий удар колокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.